

Герхарт Хауптманн

Драматические сочинения

**Перевод под редакцией и с
предисловием К. Бальмонта**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г40

Г40 **Герхарт Хауптманн**
Драматические сочинения: Перевод под редакцией и с предисловием К.
Бальмонта / Герхарт Хауптманн – М.: Книга по Требованию, 2015. – 466 с.

ISBN 978-5-517-97981-0

ISBN 978-5-517-97981-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Герхартъ Гауптманъ писатель еще совершенно молодой, далеко не сказавшій своего рѣшительнаго слова, но уже успѣвшій снискать всемірную извѣстность. Его драмы читаются и получаютъ сценическое истолкованіе — въ Германіи и въ Америкѣ, во Франціи и въ Россіи. Это одинъ изъ поэтовъ-счастливицевъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ выноситъ волна, которые попадаютъ въ приливъ, которые приходятъ во-время.

Среди современныхъ европейскихъ драматурговъ Гауптманъ занимаетъ второе мѣсто, въ смыслѣ силы таланта, уступая въ этомъ отношеніи первенство гениальному скандинавскому символисту Ибсену, но въ смыслѣ сценичности своихъ пьесъ онъ превосходитъ и автора „Строителя Солнеса“, и создателя лирическихъ драмъ и романовъ Габріэле д'Аннунціо, и чрезмѣрно много упоминаемаго, столько же талантливаго, сколько рекламнаго, Мориса Метерлинка.

Съ каждымъ изъ этихъ трехъ писателей Гауптманъ имѣетъ общія точки соприкосновенія. Какъ Ибсенъ, онъ переживаетъ сложную душевную эволюцію и, совершая въ каждомъ изъ своихъ произведеній глубокой поэтической захватъ, въ каждой новой драмѣ онъ открываетъ намъ новую сторону своей души: его творчество есть постепенная поэтическая исповѣдь. Какъ д'Аннунціо, онъ полонъ гипнотизирующаго лиризма и, переживая общечеловѣческія настроенія, остается строго-національнымъ: совершенно такъ

же, какъ авторъ „Джоконды“ — *очень итальянецъ*, авторъ «Потонувшаго Колокола» — *очень нѣмецъ*. Какъ Метерлинкъ, онъ полонъ мистицизма и соединяетъ глубину съ наивною: удѣлъ дѣтскихъ душъ, которымъ міръ открывается гораздо чаще, чѣмъ мудрецамъ.

Но соприкасаясь съ названными писателями, Гауптманъ всегда остается самимъ собой, онъ занимаетъ опредѣленное мѣсто новатора въ области нѣмецкой драмы, и бесполезны всѣ недоброжелательные возгласы бездарностей о его заимствованіяхъ. Талантъ не можетъ заимствовать, онъ все перерабатываетъ. И каждый самый великій художникъ является чѣмъ-нибудь ученикомъ и соотязателемъ, оставаясь всегда интереснымъ художникомъ, пока онъ подчиняется голосу таланта.

Внѣшняя жизнь Гауптмана, въ той мѣрѣ, въ какой она составляетъ достояніе публики не представляетъ пока ничего интереснаго. Отмѣтимъ главные факты.

Онъ родился 15-го ноября 1862-го года, въ Силезіи, въ Оберзальцбруннѣ. Этимъ объясняется, что большая часть его произведеній написана на діалектѣ. Какъ новаторъ, обладающій тонкимъ художественнымъ чутьемъ, онъ не хочетъ порывать связи съ мѣстомъ своего рожденія. Этимъ же въ значительной степени объясняется и его мистицизмъ: Силезія всегда была отмѣчена тяготѣніемъ къ мистическому, и еще въ 17-мъ вѣкѣ эта черта нашла выраженіе въ произведеніяхъ такихъ писателей, какъ Христіанъ Кнорръ и Квиринъ Кульманъ. Прадѣдъ Гауптмана былъ ткачомъ, дѣдъ въ юности тоже былъ ткачомъ, потомъ солдатомъ, потомъ кельнеромъ, и наконецъ содержателемъ гостиницы. Эта послѣдняя профессія была унаслѣдована Робертомъ Гауптманомъ, младшему сыну котораго, Герхарту, суждено было стать пѣвцомъ рабочаго сословія и создателемъ драматическихъ сказокъ, являющихся гордостью современной символической поэзіи. Въ дѣтствѣ будущій поэтъ увлекался не столько науками, сколько играми и наблюденіями надъ міромъ букашекъ. Пантеи-

стическая нѣжность, сближающая Гауптмана съ Шелли, осталась въ немъ и до сихъ поръ: прекрасное воплощеніе ея мы видимъ во многихъ страницахъ «Потонувшаго Колокола». Бреславльскія *Realschule*, куда мальчикъ поступилъ для полученія начальнаго и средняго образованія, была для него истинной тюрьмой. Въ этомъ отношеніи нѣмецкій поэтъ пережилъ общую участь всѣхъ: горестную необходимость провести лучшіе годы жизни въ казарменныхъ стѣнахъ, среди глупыхъ педагоговъ. Въ то время, когда мальчика заставляли спотыкаться въ области математики и томиться надъ изученіемъ другихъ наукъ умѣреннаго достоинства, его душа смутно и жадно стремилась къ иному міру, гдѣ — грезы, гдѣ — звуки, гдѣ — линіи и краски; его манилъ міръ сказокъ, и онъ писалъ стихи, изобличающіе вліяніе Андерсена. Живой необходимостью является поэтому аттестатъ, выданный Гауптману, когда въ 1878-мъ году онъ покинулъ школу: поведение хорошее, прилежаніе удовлетворительное, успѣхи посредственные, и вниманіе—квалифицированное длиннымъ минусомъ.

Впрочемъ, жизнь не спала и вовлекала Гауптмана въ новыя полосы мыслей и ощущеній. Дядя Гауптмана, Густавъ Шубертъ, глубоко-религіозный человѣкъ, потерявъ своего единственнаго сына, рѣшилъ, что Герхартъ будетъ его «намѣстникомъ на землѣ». Въ домѣ Шуберта очень любили музыку, и здѣсь Гауптманъ сроднился съ цѣлымъ рядомъ настроеній, связанныхъ съ произведеніями Бетховена, Баха и Генделя. Къ музыкальнымъ впечатлѣніямъ присоединяются другія: живопись, скульптура, путешествія, любовь. Гауптманъ ѣдетъ въ Испанію, въ Италію, видитъ новое небо и новыхъ людей. Въ Римѣ онъ увлекается могучей личностью Микель-Анджело и занимается скульптурой. Но мечта сдѣлаться ваятелемъ, такъ же, какъ мечта сдѣлаться актеромъ, была лишь преддверьемъ къ инымъ мечтамъ,— это были исканія юнаго поэта, еще не сознавшаго, въ чемъ его истинное призваніе. Прежде, чѣмъ сдѣлаться писателемъ, Джонъ Китсъ былъ врачомъ, Ибсенъ

аптекаремъ ученикомъ, Гауптманъ грезилъ среди гипсовъ и мраморовъ.

Двадцати двухъ лѣтъ будущій писатель женился, жилъ въ Цюрихѣ, жилъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, теперь, если не ошибаюсь, живетъ гдѣ-то въ швейцарскихъ горахъ. Къ числу всѣхъ этихъ впечатлѣній, связанныхъ съ юностью Гауптмана, необходимо присоединить еще одно весьма важное и опредѣлительное обстоятельство: увлеченіе творчествомъ Льва Толстого, Золя и Ибсена.

Началъ однако Гауптманъ съ байронической поэмы, безсвязной поэмы «Promethidenloos», написанной въ 1884-мъ или 1885-мъ году. Истиннымъ началомъ литературной дѣятельности Гауптмана слѣдуетъ считать драму «Vor Sonnenaufgang», напечатанную въ 1889-мъ году и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія поставленную съ громкимъ успѣхомъ и громкимъ скандаломъ на подмосткахъ *Freie Bühne*. Затѣмъ слѣдуютъ драмы «Das Friedensfest», «Einsame Menschen», повѣсти «Bahnwärter Thiel», «Der Apostel», драмы, комедіи и драматическія сказки, «Die Weber», «Kollege Krampton», «Der Biberpelz», «Hannele» (или «Hanneles Himmelfahrt», т.-е. «Успеніе Ганнеле»), «Florian Geyer», «Die versunkene Glocke», «Fuhrmann Henschel».

По внутреннему характеру драматическія произведенія Гауптмана распадаются на три отдѣла: реалистическія социальныя драмы, построенныя главнымъ образомъ на чистовѣщныхъ очевидныхъ эффектахъ («Предъ восходомъ солнца», «Ткачи»), драмы индивидуальной психологіи, исполненныя болѣе тонкой отдѣлки, хотя быть можетъ менѣе сценичныя («Праздникъ примиренія», «Извозчикъ Геншель»), драмы символическія («Ганнеле», «Потонувшій колоколъ»). Вездѣ, въ этихъ разныхъ литературныхъ манерахъ, Гауптманъ остается настоящимъ мастеромъ драмы, не такимъ, конечно, какъ Шекспиръ, съ которымъ его сравниваютъ обезумѣвшіе отъ восторга поклонники, но во всякомъ случаѣ не меньшимъ, чѣмъ второстепенные гени шекспировской эпохи, Джонъ Фордъ, Бомонтъ, Вебстеръ.

Главная сила Гауптмана заключается въ томъ, что онъ *влюбленъ въ жизнь*. Являясь въ этомъ отношеніи живымъ контрастомъ двухъ скандинавскихъ человѣконенавистниковъ, Ибсена и Стриндберга, лучшія слова которыхъ полны кощунства надъ жизнью, Гауптманъ исполненъ какого-то религіознаго преклоненія передъ сказкой бытія, его наивная женственно-мягкая душа лелѣйно хранитъ въ себѣ какой-то первобытный культъ жизни. Отсюда его искренній, не цеховой, реализмъ, естественно, не дѣланно, отгнанный символикъ. Отсюда его пристрастіе къ самымъ простымъ темамъ, неисчерпаемымъ въ разработкѣ истиннаго художника,—его любовь къ простымъ невиднымъ существованіямъ. Въ противовѣсъ пресыщеннымъ, которымъ, благодаря ихъ безсилію, все кажется банальнымъ и нестоющимъ вниманія, онъ угадываетъ въ повторяемости новизну, за тусклымъ взглядомъ чувствуетъ душу, къ каждой мелочи относится серьезно. Повинуясь инстинкту своей женственной природы, Гауптманъ слѣдуетъ тому художественному методу, который долженъ былъ бы стать общезаставительнымъ: соприкасаясь съ извѣстнымъ явленіемъ, онъ отдается ему,—онъ становится на точку зрѣнія изображаемаго предмета или человѣка,—дѣлаясь его собственностью, достигаетъ обладанія.

Такая беззавѣтность таланта дала Гауптману возможность написать два педѣвра, изъ которыхъ каждый представляетъ изъ себя извѣстный *уникумъ*, не превзойденный никѣмъ. Онъ, единственный, за весь девятнадцатый вѣкъ, сумѣлъ создать въ «Ткачахъ» трагическую поэму рабочаго сословія. Онъ, единственный, въ драмѣ «Ганнеле» создалъ поэму дѣтской души. Оставляя въ сторонѣ размѣры *поэтической личности* и говоря только о непосредственномъ *сценическомъ впечатлѣніи* отъ каждаго изъ отдѣльныхъ поэтическихъ произведеній, мы должны сказать, что въ «Ткачахъ» для людей девятнадцатаго вѣка созданъ такой же могучій драматическій эффектъ, какой для современниковъ Эсхила и Софокла былъ созданъ въ «Скованномъ

Прометей» или въ «Эдипъ-Царь». Это поняли не только въ Германіи, гдѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ на сценѣ берлинскаго *Deutsches Theater* «Ткачи» давались болѣе двухсотъ разъ, но и въ Парижѣ, гдѣ не особенно жалуютъ иностранныхъ писателей и гдѣ однако эта драма имѣла подавляющій успѣхъ. Не менѣе, быть можетъ еще болѣе, замѣчательна гениальная символическая сказка «Ганнеле», гдѣ проникновеніе въ психологію ребенка такъ сильно и ярко, что Гауптманъ получаетъ равноправное мѣсто рядомъ съ другимъ несравненнымъ знатокомъ дѣтской души, Достоевскимъ.

Гауптманъ сходится еще съ другимъ нашимъ художникомъ, Тургеневымъ, въ одномъ важномъ пунктѣ. Какъ и создатель Зины изъ «Первой любви», Елены, и Малпи изъ «Затишья», онъ является по преимуществу художникомъ женскихъ характеровъ, имъ онъ отдаетъ свои лучшія симпатіи и въ его драмахъ женщины играютъ болѣе важную роль и они болѣе индивидуальны, чѣмъ мужчины. Участь женщинъ Гауптмана почти всегда трагична,—та или другая ихъ черта дѣлается основнымъ узломъ драмы,—брошенныя въ жизнь, они гибнутъ или губятъ.

Кто эти героини?

Ганнеле, загнанная забитая дѣвочка, полная невысказанныхъ мистическихъ грезъ, нѣжная какъ тонкій недоразвившійся стебель, сломанный грубымъ прикосновеніемъ колеса, грязнаго и тяжелаго. Этотъ прозрачный побѣгъ, не видѣвшій счастья, росъ одиноко, мечтая о томъ, что рисовалось ему въ смутныхъ очертаніяхъ, и качаясь на краю большой дороги, самымъ существованіемъ своимъ являлъ противорѣчіе. На большихъ дорогахъ ничего не растетъ, они ведутъ къ великимъ и жестокимъ цѣлямъ, которыя далеки отъ младенческихъ грезъ и равнодушны къ цвѣтку, выросшему такъ не у мѣста.

Мать Ганнеле, являющаяся, какъ замученный призракъ, съ бѣлыми волосами, съ глазами, свѣтящимися изъ глубокихъ впадинъ, съ голосомъ монотоннымъ, какъ голосъ

сомнамбулы,—образъ вѣковѣчнаго женскаго горя, женской подчиненности, рѣзкаго контраста между нѣжностью женской души и мутными подонками жизни.

Раутенделейнъ, прихотливая сальфа, символъ творческой мечты, полуробенокъ-полуженщина, которая какъ дома — на горахъ, въ болотѣ, въ лѣсу, вездѣ, гдѣ жизнь полна стихійной цѣльности, прямая противоположность людской разсудочности и раздвоенности. Она тоже гибнетъ отъ соприкосновенія съ людскимъ міромъ, любовь къ человѣку для нея смертельна, какъ отпаденіе отъ родного первоисточника къ другому элементу, не сродному съ ней.

Магда, скромное простое существо, чье назначеніе—любить одного безпредѣльно, одна изъ тѣхъ, для кого любовь—судьба, измѣна мужа—смерть. Такихъ любятъ только тогда, когда они умрутъ, — только тогда понявъ, какъ глубока можетъ быть такая простая душа.

Другое безпомощное существо, фрау Геншель, угасающая въ грубой рабочей обстановкѣ, какъ гаснетъ свѣча подь вѣтромъ. Ея смерть происходитъ, какъ каждый будничнѣйшій фактъ, просто и жестоко. Она умираетъ ненасыщенной, уступая мѣсто наглой Ганнѣ, здоровой и распутной. Обязанная въ смерти, она мститъ послѣ смерти, возникая гибельной мечтой въ умѣ любимаго человѣка.

Анна Маръ, сильная и оригинальная дѣвушка, настоящая русская женщина, родная сестра тѣхъ, которыя не останавливались ни передъ чѣмъ, чтобы отдаться любимому человѣку или пойти за нимъ въ холодъ, въ тюрьму, въ изгнаніе. Это трагическій характеръ, приносящій смерть — тамъ, гдѣ онъ не встрѣчаетъ истинную жизнь. Ея несчастье — что она, полная воли и свободная, встрѣчается съ слабохарактернымъ неврастеникомъ, связаннымъ съ этой бѣдненькой очаровательной Кэтте, съ этой голубоглазой душой, которой весь вѣкъ нужно было бы жить подь тѣнью цвѣтущаго майскаго дерева.

И эти недоноски: глупая и нестерпимая Минна Шольцъ, походящая на какой-то мѣшокъ съ мукой, доведенная до

идіотизма своимъ вздорнымъ мужемъ; глупая и нестерпимая Августа Шольцъ, повидимому, ни разу не почувствовала, что небо—голубое и глубокое, что земля—зеленая и богатая. Какъ они отгѣняютъ своимъ убогимъ безобразіемъ живую и великодушную Иду, веселую, какъ жаворонокъ, свѣтлую, какъ утро, и такъ слѣпо идущую на почти несомнѣнную гибель.

На ряду съ этими женскими образами въ жалкомъ неприглядномъ свѣтѣ предстаютъ мужскіе характеры: клиническіе субъекты — Шольцы, этотъ Вильгельмъ, ходячая истерика, этотъ Робертъ, микроскопическій Яго, этотъ страшный старикъ, ихъ отецъ, типъ, напоминающій времена нашего крѣпостного права; Іоганнъ Фокератъ, тряпичная душа, не вызывающая состраданія даже самоубійствомъ; малодушный себялюбивый Гейнрихъ, не умѣющій отдаться безраздѣльно гению творческой мечты, лишенной необходимой доли жесткости и потому невольной жестокой. Все это выброски, которымъ не должно быть мѣста въ мірѣ. Недостойные называться мужчинами, они вводятъ въ обманъ тѣхъ женщинъ, которыя къ нимъ приближаются, губятъ ихъ или искажаютъ ихъ образъ, искажая, какъ въ зеркалѣ, и свой собственный ликъ. Воплощеніе простой житейской мудрости, старуха Виттихенъ, символъ первобытной силы земли, только потому и не гибнетъ, что она разъ навсегда презрила людей и сознательно окружила себя красотой одиночества, вступивъ въ тѣсный союзъ съ природными силами. Потому, равнымъ образомъ, такъ ярки и красивы два единственно цѣльные мужскіе характера, лежащіе за предѣлами людской жизни: Лѣсной Фавнъ и Никельманъ. Это стихійные духи, полные безраздѣльнаго восторга бытія. Чуждые условностей, они хранятъ свой ликъ неискаженнымъ, какъ вѣчно-цѣльнымъ сохраняется для насъ ликъ солнца, волны, и облаковъ, и травъ, неизмѣнный отъ перваго дня мірозданія, все тотъ же торжествующій въ различныхъ перемѣнахъ. Храня въ себѣ полную гамму ощущеній и незнакомые только съ однимъ словомъ *рас-*

каianie, созданнымъ ложью человѣческой жизни, эти стихійные духи напоминаютъ намъ картины Беклина и Рубенса, съ ихъ пьянымъ восторгомъ существованія, съ ихъ здоровымъ смѣхомъ, съ ихъ свободой первобытныхъ вакханалій, со всей этой роскошью неисчерпаемой жажды впечатлѣній, которая твердитъ намъ, что, устранивъ ненужное и большое, мы должны прорваться сквозь ветхое къ безчисленному ряду новыхъ воплощеній, какъ родникъ прорывается сквозь мертвые камни, — и, примирившись съ Землей, вернуться къ Солнцу, чтобы жить, жить, жить.

К. Бальмонтъ.

Москва-Берлинъ-Парижъ.
1899. Осень.
